

Константин Рыбинский

Пинежская черепица

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Р93

Рыбинский К.

Пинежская черепица / Рыбинский К. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 185 с.

ISBN 978-5-532-94278-3

Книга содержит два сборника рассказов: "Пинежские Бывальщины" (2018) и "Сольфериновая черепица" (2021). Кроме того, в неё включён ранее не публиковавшийся рассказ "Летать-Падать". "Пинежские Бывальщины" - мистические рассказы, в которых отразились история, быт, мифология Северной деревни от начала до двадцатого века. "Сольфериновая черепица" - сборник рассказов и миниатюр, сюжеты которых охватывают времена от Александра Македонского до недалёкого будущего, героями являются и немецкая овчарка и философ Диоген, и многие другие. Связывает эти черепки воедино жажда жизни и правды, яркая, как кровь, пролитая у Сольферино.

Содержание

Пинежские бывальщины	5
Предисловие	5
Горбун	7
Нечисть	23
Телёнок	33
Домовица	37
Заика	43
Хоровод	53
Возвращение	63
Вместо послесловия. Где находится Пинежье?	75
Сольфериновая черепица	80
Я остаюсь	80
Время	92
Замкадье	93
Про птиц и ветер	95
Сольфериновая черепица	96
Райзер	97
Безутешность	104
Ромка	105
Когда темнеет в глазах	123
Спасибо!	124
Варенье	125
Про гадов	129
На всей территории России вводится Чрезвычайное Положение	130
Почерк	132
Труфанова гора	133

Ночное	139
Дураков-город (Хроники одного Проишествия)	140
Судьба	148
Диоген	149
Не взбалтывать	176
Летать-Падать	177

Пинежские бывальщины

Предисловие

У вас в руках сборник рассказов «Пинежские бывальщины». Означает такое название вот что: в нём изложены случаи из жизни людей, живущих в одном из самых глухих уголков России, в Пинежском районе Архангельской области. От былей эти истории отличаются тем, что рассказаны в вековой избе под шипение тульского самовара, под иконами, почерневшими лет двести тому назад, а не зафиксированы многочисленными свидетелями, не скреплены подписью присяжного поверенного, и не обнаружены в Госархиве. Мне рассказывала их моя бабушка надвое.

Это бывальщины о моих родственниках и обо мне. Мистические, страшные.

Разумеется, я позволил себе некоторые литературные вольности. Имена редко совпадают с прототипами, характеры собирательны. Но места – вот они, можно приехать, посмотреть, постоять там, где жили герои. Они всегда были волшебными, а теперь, оказавшись на страницах книги, стали совершенно магическими. Такое вот взаимное влияние творчества и жизни.

Родился цикл из случайно написанного рассказа, который потянул за собой другой, третий.... На одном дыхании. Вполне возможно, появятся новые, дополнят уже изданное, но главное сказано, структура сложилась, первый и последний совершенно точно определены.

Рассказы не являются реконструкцией событий, происходящих в период от начала до конца двадцатого столетия. Герои не говорят на языке района – он своеобразен, и нуждается в переводе на русский. С другой стороны, это и не стилизация, когда московская актриса пытается понятно сыграть поморку, старательно «окая». Создавая атмосферу, я использовал несколько диалектизмов, но даже не снаб-

дил объяснением, сноской. Пусть они прозвучат напевом, далёкой мелодией. Музыка в толмаче не нуждается.

«Пинежские бывальщины» – о мире, в котором я живу, в котором всё тонко, прошлое заглядывает в будущее, а в настоящем пересекаются тысячи реальностей; где всё возможно. Волшебное, но и опасно.

«Пока ты живёшь своей маленькой жизнью, тобой никто все-рьёз не интересуется. Мелкие грешки, мелкие благодеяния. Когда же ты вступаешь в духовную брань – тысячи внимательных глаз начинают следить за тобой. И сочувствующих, и враждебных. Каждый шаг становится важным. И если ты непреклонен, твои враги становятся всё сильнее». («Возвращение»)

А ещё это – признание в любви, от первой до последней строки. К невероятно прекрасному краю, к моим родным, к моему детству.

Что ж, пора в путь. В заключение этого краткого предисловия, с удовольствием посвящаю весь цикл моей бабушке Анне Петровне, послужившей прототипом бабушки главного героя. Уверен, ей бы понравилось.

Горбун

Пинежский край – глухой, таинственный. Весь Север здешних обитателей опасается: колдуны, знахари через одного. Могут поправить человека, вылечить, а могут и наоборот. В общем, дурная слава, нехорошая.

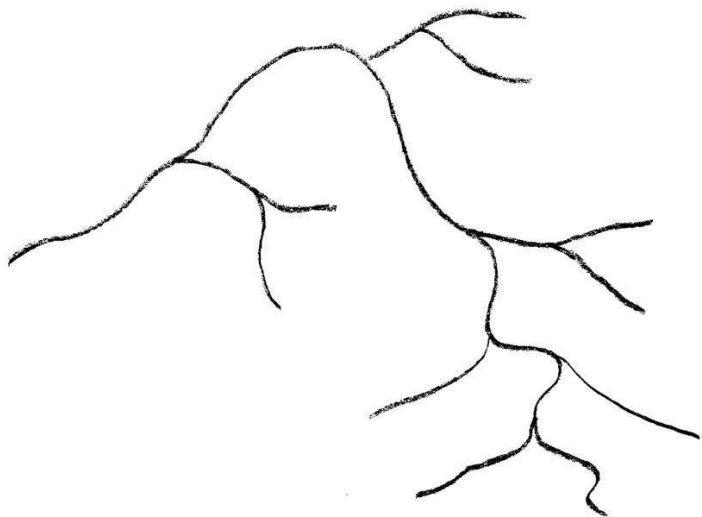
Такие места, как здесь, нигде больше не встретишь. Вот вроде бы совсем рядом по соседству Холмогорский район – как копия с хорошей картины: похоже, а не она, не хватает чего-то, какой-то очень важной малости. В Пинежье же, словно Господь всё на свои места поставил, ничего не убавишь, не прибавишь.

Небо здесь не имеет края. Огромная перевёрнутая чаша лежит над землёй, нигде её не касаясь. В иных местах небо с землёй на горизонте соединяются, а в Пинежье оно за горизонт уходит, одним лётчикам ведомо куда. Оттенки синего этой небесной сферы ни литератор, ни художник не выпишут, десятки раз меняется цвет от ойкумены до зенита. Белые курчавые облака то ли плывут, то ли стоят под небом, как на выставке. С Масленицы далеко видать: от каждого облака по пахучему разнотравью заливных лугов тень крадётся. Редко когда, да вот и случится, оставит снежную дорожку в ледяной бездонной синеве самолёт.

Вся эта красота неземная отражается в чёрных зеркалах рек, которые на Севере никогда не цветут. Вот и плывёт лёгкая лодка-долблёнка по небу, режет носом синь, да облака, пускает чуть заметные волны к берегам, где они тихонько ласкают то песчаные пляжи, то красные горы, то меловые обрывы, то непроходимые джунгли кустов в курях.

Пинега – река широкая, как всё по-настоящему значительное, от человека далека, своей тихой мощью подавляет. Питает же её великая сеть малых рек, речушек да ручьёв. Вот они человеку близки и родственны. В них есть и шумные пороги с серебряным хариусом, и глубокие чёрные омуты с быстрой зубастой щукой, и пропитанные солнцем прозрачные отмели с ленивым налимом.

Текут все эти реки под бездонным небом сквозь бескрайнюю тайгу. Вековые ели и сосны, так и не сведённые столетием промысла, стеной стоят по берегам, стерегут покой лесных жителей.

Сегодня, когда люди уходят в душные муравейники городов, тайга потихоньку возвращает себе в давние времена с боем отданное. Робкие одинокие ёлочки, как разведчики великой армии, прорастают на чищенинах, брошенных полях, лесосеках, а через несколько лет сквозь колючую поросль уже не пробиться. Ещё десяток зим, и медведь, проламывая заросли, не вспомнит, как когда-то обходил овёс стороной.

Тайга необъятна. Можно месяцами блуждать в ней, никого не встретить и выйти к Тихому Океану. Во все стороны глушь, волки да росомахи, болота да озёра, лес без конца и края. Но и здесь издревле жили люди.

Солнечным августовским утром стайка девушек, только-только простившихся с отрочеством, отправилась в лес по ягоды. В деревне

вчера завили хлебную бороду, так что вполне можно было побаловать перед осенними хлопотами.

Молоды девки все хороши по-своему. Что в старости вылезет уродством, то теперь – красота наособицу. Весёлые, стройные, ноги загорелые нет-нет, да и сверкнут из-под длинных домотканых подолов, глаза быстрые, озорные. Бегут по жизни, как по лесной тропинке, что только началась, а краю не видно.

Черники в тот год высыпало на высоких кустиках видимо-невидимо. Быстро набрали девки полные корзинки, вышли в Родин Нос к Шельмуше, сели на угоре передохнуть. На льняном полотенце разложили, кто что принёс: у Настушки – хлебы, а у Польки с Анкой – воложны колобы да шаньги. Тепло, благодатно, на опушке рябчики свистят, эхом стук дятла носится, высоко в синеве, так что почти не видно, ястреб кружит, кукушка свой голос подаёт.

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? – звонко выкрикнула Полька. Серая невидимка чуть помолчала, не спеша начала отсчёт. На четвёртом десятке Польке уж надоело пальцы загибать на очередной круг, а щедрая птица всё не унималась.

Анка разломила шаньгу, спросила со смешком:

– Что, Полька, втюрилась в Мишку-то Козьмина?

– Да, ну, тебя, араушко! А хоть бы и так, тебе-то что? Сама, как вельпина, по братану моему сохнешь. Да только не любя ты ему, Анка! Николаю Настушка поглянулась, он тихих любит! – она ткнула Настушку локтем в бок, давясь смехом. Та покраснела, пихнула Польку, повалила её на траву, в цветы, сверху прыгнула Анка, началась обычная девичья возня с хохотом, визгом и криками, нёшшимся над искрящимися рукавами мелкой речушки, пьянящим разноцветьем заливных лугов, в самую лесную глушь.

Старый горбун, из-за разлапистой ели наблюдавший с опушки мелькание заголившихся коленок, сплюнул тягучей слюной. Крутанулся на месте, побрёл прочь, бормоча сердито в косматую бороду.

Девки отдышались, оправили одежду. Анка огляделась вокруг, выпучила глаза, понизила голос:

– Слушайте, что скажу-то!

– Ну?

– Только, чур, молчок! Глашка сказывала, будто видела, как митричева Машка с Ванькой Галышевым вечером в баню пробирались!

– Гадость какая! – всплеснула руками Настушка.

Полька кинула на неё лукавый взгляд:

– Завидуешь?

Настушка вспыхнула, махнула рукой.

Полька повернулась к Анке, глаза её загорелись, голос стал низким, грудным:

– И что, было у них?

Анка прыснула:

– Так по осени увидим! Как бы к весне попа звать не пришлось!

Звонкий смех опять полетел вдоль реки, через говорливые перекаты в тёмный ельник.

– Всё, девки, пора назад! – Полька поднялась, взяла берестяной туесок. – Пойдёмте, дома ворчать будут!

Встали с помятой травы, отряхнулись, подобрали корзинки, зашагали в горку. Дорога шла молодым пахучим сосняком, насквозь пронизанным летним солнцем. Полька отломала от шершавой нагретой солнцем коры засохшей смолы, отправила в рот, принялась жевать, сплёвывая поминутно. Сначала серка раскрошилась, наполнила рот горечью, а потом стала тягучей ароматной жвачкой. В голову лезли, как ни гони, соблазнительные видения бани и Мишки Козьмина, от чего в груди становилось жарко и стыдно сладко.

– Глядите-ка! – шедшая чуть впереди Анка остановилась, указала рукой вперёд.

По дороге ковыляла, опираясь на клюку, нелепая фигурка.

– Давайте догоним, посмотрим кто! – предложила Полька.

Они припустили бегом, и скоро догнали путника. Впереди споро семенял очень маленького роста горбун с кривыми ногами, обутыми в новёхонькие запылённые сапоги. На голове картуз, в руке суковатая палка. Но прежде всего в глаза бросался огромный уродливый горб, туго обтянутый овчинной телогрейкой-безрукавкой. Девки переглянулись, пожали плечами: никто из них раньше не встречал такого чудного человечка. Полька, самая боевая, окликнула его:

– Дяденька! А вы откуда будете?